

инова творения внесло новую, ослепительную краску в легендарный образ первого ниспровергателя порядка, установленного свыше. В бунинских стихах читаем:

Жадно ищущий бога*,
Первый бросил проклятье ему.
И, достигнув порога,
Пал сраженный, увидевши — тьму.
Но и в тьме он восславит
Только Знание, Разум и Свет —
Башню Солнца поставит,
Вдавит в землю незыблемый след...

Что это? Позднейшая реабилитация восприимчивого ученика Люцифера и тьмы его последователей? Первая мысль: да! Тем более что поэт явно любит своего героя:

Синекудрый, весь бурый,
Из пустыни и зноя литой,
Опоясан он шкурой,
Шкурой льва, золотой и густой...

Но к концу стиха приходит отрезвление:

Он спешит, он швыряет,
Он скалу на скалу громоздит,
Он дрожит, умирает...
Но творцу отомстит, отомстит.

Столько усилий — и все ради мести, ради желания доказать: «*и я могу, как Ты*»? Это мы уже проходили! К счастью, Каин — человек, а человек смертен. Его люциферические усилия, превратившиеся в развалины, если что-то и говорят, то только глазу и сердцу художника.

Об исторических останках — свидетелях зигзагообразного пути человеческой мысли — говорится и в других стихах, помеченных годами начала века. «Каменная баба» явно возникла на родимой почве.

От зноя травы сухи и мертвы.
Степь — без границ, но даль синее слабо.
Вот остов лошадиной головы.
Вот снова — Каменная баба.
Как сонны эти плоские черты!
Как первобытно-грубо это тело!
Но я стою, боюсь тебя... А ты
Мне улыбаешься несмело.
О дикое исчадь древней тьмы!
Не ты ль когда-то было громовержцем?
— Не бог, не бог нас создал. Это мы
Богов творили рабским сердцем.

---

* Придерживаюсь правописания худлитовских книг. — Т. Ж.